

Григорий Померанц

С любовью и без любви

Один из моих друзей познакомился с современным пророком. Этот человек сознавал, что в озарении ему приходят какие-то важные мысли и верил, что ему диктует Бог. Мой друг совершенно уверен в его искренности, и я не сомневаюсь, что некоторые мысли приходят во внутреннем свете, как бы высветляются им. В слове вдохновение уже заложено что-то подобное, и границу между вдохновением и озарением трудно провести. При горении сердца возникает что-то вроде внутреннего света, и иногда прямо – свет. Но что этот свет высветляет? Почему у Моисея он высветляет одно, у Шанкары другое и у Лаоцзы третье?

У меня самого в молодости, после трех месяцев напряженных мыслей о месте человека во вселенной, родилась в озарении пара мыслей, и довольно долго я считал, что это чистая истина. Но постепенно я понял, что стремление к истине запуталось тогда в ограниченности слов, которые были наготове в моем уме. Хотя воспоминание, что я не испугался созерцать бесконечность, помогло мне преодолеть испуг при бомбежке и раз навсегда преодолеть психическую травму от прежней бомбежки, когда я был тяжело ранен и контужен. Чувство полета над страхом стало с тех пор моим приобретением. Нельзя преодолеть опасность бомбежки, но можно преодолеть страх.

Этот опыт позволяет мне думать, что озарение Моисея родилось после долгих мучительных размышлений, родилось от вспышки света в его собственном уме, и Бог послал ему только эту вспышку, и только. И десять заповедей были лишь первой, грубо прямолинейной формулировкой нравственного закона.

Прошла тысяча с лишним лет, и в Евангелии мы находим слова о двух наибольших заповедях (о любви к Богу и любви к ближнему). После этих канонизированных слов остальные заповеди потеряли свою однозначность. И тут же в Евангелии даются примеры: можно в субботу вправить вывих больному, можно простить и отпустить грешницу, а не побивать ее камнями и т.п. Наш современник, игумен Евмений, составил целую таблицу поступков, которые без

любви становятся грехом. Я запомнил пару примеров: вера без любви – фанатизм, справедливость без любви – жестокость... Можно найти и обратные примеры. Покойный митрополит Антоний Сурожский приводил их в своих проповедях: в иных случаях надо применить насилие, чтобы не допустить худшего зла. Фома Аквинский писал, что голодный вправе украсть, чтобы не умереть...

Это не значит, что десять заповедей потеряли свою святость. Но вопрос, когда можно их нарушить, становится делом совести. Одну из заповедей нарушила сама церковь: Моисей осудил бы поклонение иконам. Протестанты в этом вопросе вернулись к Моисею.

Я думаю, что Максим исповедник был прав, защищая иконопись и проводя черту между образом святости и живописью, отвлекающей от Бога. Однако где граница между подлинной иконой (например, Рублева) и мнимой? Этот вопрос всегда открыт.

Привязанность к слову, ставшему каноном, заставила распять Христа, сжечь Яна Гуса, сжечь Аввакума. И закон без любви, даже если он с юридической точки зрения бесспорен, для религиозного сознания не имеет окончательной силы. Русское народное сознание было право, называя всех каторжников «несчастливыми». Все осужденные – жертвы несовершенного закона, закона без любви. И тот же закон любви защищает иноверца. Свет истины приходил в разных культурах по-разному. И грех забывать слова ап. Павла: буква мертва, только дух животворит. А для Духа нет перегородок.